

Владимир Ильич Стругацкий

ХОЗЯИН ДВУХ ПОЛЮСОВ

...На комаровском кладбище стоит огромный каменный пингвин. Похоже, он специально спрятался за деревьями, за кустами. Его даже с аллеи почти не видно. Хотя он на главной аллее - упирающейся в могилу Ахматовой. Гранитный пингвин, опустив голову, кажется, слушает стук неугомонного дятла - тот стучит совсем рядом, на давно засохшей березе: над могилой Трешникова, над этим самым грустным на кладбище памятником, памятником хозяину двух полюсов Земли.

Когда-то огромный директорский кабинет Алексея Федоровича Трешникова в Шереметевском дворце, в Арктическом и Антарктическом научно-исследовательском институте выходил на великолепную чугунную решетку, на набережную Фонтанки. Ахматовский Фонтанный дом. В доме еще до войны жила величественная женщина, любившая кутаться в шаль. Это она написала: «Когда б вы знали, из какого ссора растут стихи, не ведая стыда...».

Раньше, когда я приезжал к Трешникову на дачу в Комарово и мы шли гулять, как-то само собой получалось, что обязательно доходили до кладбища, до могилы его младшей дочери Натальи. Умерла она совсем молодой, в 37 лет, от рака крови еще в 1980 году. Для Трешниковых это была страшная трагедия. Тем более что старшая дочь, Ася, оказалась тоже больной, за ней всю жизнь приходилось ухаживать как за ребенком.

Я помню, как уже в последние годы жизни Алексей Федорович пригласил меня зимой на дачу, прямо на снегу разжег костер, и мы долго сидели во дворе его дома, любясь всегда успокаивающим пламенем костра. Академик, президент Географического общества СССР и Герой Социалистического Труда глядел на огонь, думая о чем-то ведомом только ему, а потом вздохнул:

- Слава, как и удача, могут щекотать нервы довольно недолго. Я всегда относился к шуму вокруг моей личности с чувством юмора и большой долей скептицизма...

И грустно добавил:

- Я бы с удовольствием отдал все свои звания и все ордена за то, чтобы мои дочери были живы-здоровы. Страшно жаль, что Бог почему-то на такой обмен не идет...

...Асе седьмой десяток. Она живет в Комарове и совсем редко со своей старенькой няней или с мужем Натальи - Евгением - добирается до кладбища, кладет цветы к трем могилам: Наташи, Алексея Федоровича и Татьяны Николаевны. Асина мама прожила после смерти Алексея Федоровича всего два года, ее похоронили в 1993-м.

А Ася с годами не меняется. Все так же по-ребячески улыбается и, услышав мой голос в телефонной трубке, радуется:

- Ой, как давно вы у нас не были. Приезжайте.

Дача Трешникова справа от железной дороги, в верхнем Комарове, между станцией и кладбищем, по дороге на Щучье. Даже у улицы вполне подходящее название - Морская.

...Когда-то казавшаяся мне шикарной, теперь она обветшала, покосилась, краска с вагонки облезла, а обклеенные потрескавшейся клеенкой стены ванной и туалета кажутся такими же убогими и архаичными, как стоящий во дворе на сваях громадный бак - самодельный душ. Ни тебе кафеля, ни полов с подогревом, ни сауны, ни ухоженных лужаек с фонтанами.

Старое продавленное кресло с громадными подлокотниками, наш отечественный сервант - такой, какие приобретали когда-то все новоселы хрущевки: с двумя застекленными полками и крохотной, покрытой темным лаком дверцей справа - за ней был «бар». Чаще всего в нем хранили квартирные квитанции.

Благополучие из этого дома ушло вместе с Трешниковым. Но теплота какая-то и очарование остались. И будоражащие память запахи тоже остались. Запах сырости, осенней антоновки, прелых листьев. Эти запахи навечно поселились в старых уютных пригородных дачах.

Мы сидим за большим овальным столом на веранде вместе с Асей и Евгением - зятем Алексея Федоровича. У Аси на коленях уютно устроился черный кот - Мейсон. Он лижет ей шею, а Ася смеется.

На примыкающей к дому стене - фотографии пингвинов, полярных судов и самого Трешникова. В углу - громадный китовый позвонок (кажется, с Земли Франца-Иосифа) с выцарапанными на круглом сиденье стихами: его подарили академику полярные геологи на какой-то юбилей.

На столе - самовар. Мы пьем чай из стареньких желтых чашечек в горошек.

За этим столом когда-то чаевничали и академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, и директор Эрмитажа Борис Борисович Пиотровский, многие из тех, кем гордилась советская наука, и люди менее знаменитые, соседи по Комарову, куда на лето переезжала вся ленинградская интеллигенция. Вокруг стола собирались и тогда вовсе никому не известные Артур Чилингаров, Николай Корнилов, Эдуард Саруханян, Николай Смирнов, Леонид Тимохов - те, кто, пожалуй, не меньше, чем учеными званиями и своими монографиями, должностями и золотыми звездами, всегда гордились тем, что им выпало счастье быть учениками самого Трешникова.

За этим столом поднимали разные забавные тосты, чокаясь коньячком или самодельной, настоящей на рябине водкой. Рябину Трешниковы ездили собирать на своей «Волге» вниз к заливу, в сторону Рощина и привозили на дачу ведрами. А разные заграничные бутылки, презентованные Трешникову, так и остались в серванте после его смерти: столь дефицитные тогда импортные напитки он не уважал, а больше всего любил армянский трехзвездочный.

Напротив веранды, возле забора - низенькая покосившаяся банька. Бревнышки проложены мхом, окошко почернело, крыльцо просело.

Женя расчувствовался, вспоминая свою жену и Поляшу, как называл он Алексея Федоровича:

- Последние месяцы Алексей Федорович почти не вставал. Ноги жутко болели, давление низкое. Почти никого уже не принимал: не хотел, чтоб его в таком состоянии видели. В основном общался с врачами. И вдруг однажды Алексей Федорович предлагает мне построить баньку. Париться Алексей Федорович любил - мы по выходным всегда в баню ходили, в обычную городскую. Но это было раньше, когда Алексей Федорович еще был крепок и бодр. А тут кто-то из медиков сказал, что баня поставит Трешникова на ноги... Достать для бани сруб по тем временам было крайне трудно. Но я попросил кого-то из его приятелей, сруб мигом нашелся, и я взялся за стройку. А Алексей Федорович сидел на веранде вот в этом кресле, ловил каждый мелькавший между этих золотистых сосен солнечный лучик и наблюдал, как наша «стройка коммунизма» движется. И все торопил. Так что мы порой до полуночи работали. Трешников от бани какого-то чуда ждал. И вот к концу лета мы баньку закончили и решили опробовать. Я натопил до ста двадцати, Алексея Федоровича до бани довел, раздел, на полочку уложил и так отходил березовыми вениками, что наш Поляша ожил, заулыбался и говорит: «Знаешь, я ногами опять почувствовал землю»... Только я его дома на диван уложил и вдруг слышу: «Женя, а давай завтра снова в баню пойдем». И вот мы за четыре дня парились три раза. Было это за год до кончины... Умер Алексей Федорович 18 ноября 1991-го.

Женю Касаткина - Трешников любил, и не только за его доброту, прежде всего за то, что его любила Наташа.

- Замечательные были времена, - вздыхает Евгений, стараясь погасить слезу. - Сколько веселого интересного народу здесь собиралось. Жизнь была.

Женя Касаткин сейчас тоже живет в основном в Комарове. Ему тоже уже за шестьдесят. Днем Женя ездит на работу, в ЛЭТИ (он кандидат технических наук), а вечером возвращается на дачу. Живут скромно, достатком дом не блещет.

Женя провожает меня к калитке, накинув старенькую полярную кожанку.

Такие куртки многие годы выдавали полярникам: летчикам, ученым, морякам. И каждый всеми правдами и неправдами старался такую куртку после экспедиции не возвращать. Если льдину ломало, то все потом писали в докладных, что кожаные куртки утонули. Снабженцы да и институтское начальство все эти хитрости, конечно, знали...

Куртка была крепкая, из грубой кожи, тяжелая, с громадными серебрястыми молниями и глубокими, тоже на молниях, нагрудными карманами. В свое время ее подсолнечным маслом натирали - для блеска и чтоб не скрипела, как кирзовые сапоги. С особым шиком мы носили ее в Ленинграде. Тем более если в нее был ввинчен значок «Участник дрейфа СП» или «Участник Советской антарктической экспедиции».

Теперь старая куртка - как орден. Вице-спикер Госдумы и Герой Советского Союза Артур Чилингаров в такой до сих пор в Арктику летает - потертой, потрескавшейся. А моя куда-то при очередном переезде подевалась.

У Жени Касаткина на плечах куртка рваная - трешниковская. Ей, конечно, место в музее - в ней Трешников ходил еще в свою первую антарктическую экспедицию, открывал станцию Восток... Но музеи курткой этой почему-то не интересуются, и Женя колет в ней дрова, вяжет березовые веники и ходит кормить своего пса Трайка, который носится по участку. Хотя куртка ему явно великовата.

Меня поразило: во время нашей встречи Женя ни разу не сказал о своем тесте «он». Либо по имени-отчеству, либо Поляша.

Когда-то в этой семье у всех были свои смешные имена. Придумывала их в основном Наталья - человек веселый, жизнерадостный. Татьяну Николаевну, например, звали почему-то Баранов.

Трешников так любил Наташу, что, когда возвращался из командировок не вечером, а утром или днем, не мог дожидаться конца рабочего дня и встречи дома. Бывало он прямо с «Красной стрелы» или из аэропорта ехал на Васильевский, на 2-ю линию, в Государственный гидрологический институт. В ГГИ Наташа последние годы работала инженером. (В том же ГГИ всю жизнь проработала и жена Алексея Федоровича - Татьяна Николаевна Макаревич. Она была кандидатом географических наук, заведовала там отделом).

Известному ученому и герою встречаться со своей дочерью где-нибудь в прокуренном коридоре ГГИ, конечно, было неловко.

Но в том же здании на 2-й в те времена располагалось и одно из самых популярных тогда в Советском Союзе издательств, выпускавшее прекрасную полярную библиотеку, - «Гидрометеиздат». (Этому издательству до сих пор и я благодарен: по инициативе Юлии Владимировны Власовой - в те годы, когда она была еще не директором, а главным редактором, - появилась на свет в 1977 году и моя первая книжка о путешествии на Северный полюс).

Любимым автором «Гидромета» был, конечно, Трешников. Издательство гордилось, что выпускало его антарктические дневники, его книги о полярных могиканах - Амундсене, Визе, Зубове, что Алексей Федорович возглавлял редакционный совет... Так что довольно частое появление Трешникова в его стенах никого не удивляло.

Юлия Владимировна часто потом вспоминала, как Трешников порой совершенно неожиданно, без всяких звонков, появлялся в ее кабинете лишь с одной целью: повидаться с Наташей. Деликатная Юлия Владимировна, конечно, тут же звонила ей по местному телефону и просила зайти, а сама на время куда-нибудь удалялась. Впрочем, обо всем этом она сама вспоминает в сборнике, который к 90-летию Трешникова подготовил сейчас его родной ААНИИ.

Студентом Ленинградского университета отправился Алексей Трешников на небольшом суденышке «Иван Папанин» в экспедицию по Карскому морю с архангельскими поморами. Поморам нравилось, что парень

работы не боится, морской болезни не подвержен, вот только к терминологии моряцкой все никак не привыкнет.

- Лешка, где ты топор оставил? - спрашивали у него поморы, если хотели повеселиться.

- В лодке, на лавочке, - отвечал парень, занятый измерением глубин.

- Сколько тебя, деревенская душа, учить надо: кто же говорит - «на лавочке»? В шлюпке, на банке!..

Он в детстве моря не видел - жил в Поволжье, в деревне. С шести лет лошадей пас, с семи научился ходить за плугом. Окончил пять классов сельской школы. А в шестнадцать лет комсомольца Трешникова назначили директором школы, где он и учительствовал.

Еще мальчишкой Леша любил забираться в старинный, давно пустовавший барский дом: там, на чердаке, была великолепная библиотека - Жюль Верн, Майн Рид, дневники Нансена, Амундсена, книга об английской экспедиции Джона Франклина... Этой литературой он зачитывался и мечтал только об одном - путешествовать. Все равно где - в пустыне или во льдах, в тайге или в океане.

Он приехал в Ленинград, еще не зная, кем будет. Очень хотел учиться. Но прежде чем куда-то поступать, надо окончить рабфак. Трешников поступил на рабфак при сельскохозяйственном институте. Окончил его в 1934 году. Это было время освоения Арктики. «Сибиряков» впервые за одну навигацию, без зимовок, прошел весь Северный морской путь. В Чукотском море боролся со льдами «Челюскин», и никто не мог предсказать, чем эта борьба закончится. Трешников снова вспомнил барскую усадьбу, библиотеку, книги Нансена и Амундсена, свою давнишнюю мечту. Он подал документы в Ленинградский университет, на географический факультет, решил, как сам потом шутил, «учиться на путешественника».

Трешникову повезло: его учителем стал Юлий Михайлович Шокальский. Автор знаменитой «Океанографии» поражал и восхищал Трешникова и флотской выправкой, и необыкновенной эрудицией, и рассказами о людях, с которыми ему довелось встречаться, - Семенове-Тянь-Шанском, Пржевальском, Седове. «Я ведь родился за пять лет до отмены крепостного права», - говорил Юлий Михайлович своим студентам. Он был внуком Анны Петровны Керн, воспитывался в Тригорском, дружил с младшим сыном Александра Сергеевича Пушкина - Григорием.

Спустя годы Алексей Федорович говорил мне: «Я счастлив, что у меня был такой наставник». И со стыдом вспоминал, как порой он убегал с лекций Шокальского. Убегал на заработки, в порт, куда в начале 30-х годов приходили баржи с песком, кирпичом, лесом. Иногда на разгрузке и погрузке судов студенты работали сутки, а то и двое без перерыва.

Георгий Анатольевич Баскаков - известный полярный океанолог, друживший с Трешниковым почти семьдесят лет, с университетских времен, - рассказывал, как в студенческие годы Трешников купался среди невских льдин.

Было это на Стрелке Васильевского острова. Приятели заспорили о том, выдержит ли человеческий организм в такой ледяной воде хоть несколько минут. И Трешников сказал: «А я вот сейчас спокойно войду в эту воду». Приятели над ним только посмеялись: «Тебе слабо». А Алексей мигом разделся до трусов и окунулся в апрельскую Неву. Конечно, мальчишество в двадцать один год непростительное. Счастье, что здоровяк Трешников после этого даже не чихнул. Но почему-то никто из его приятелей лезть в Неву тогда не решился.

Как-то Шокальский услышал доклад Трешникова об экспедиции в Карское море.

- Вам, молодой человек, прямой смысл идти в Арктический институт, работать на Севере.

После университета, в 1939 году, пришел Трешников работать в этот институт (ныне - Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт), и более сорока лет его жизнь была связана с ААНИИ. За эти годы институт стал крупнейшим полярным центром. Двадцать лет Трешников возглавлял ААНИИ, сменив на этом посту таких знаменитых полярных исследователей, как Рудольф Лазаревич Самойлов, Отто Юльевич Шмидт. Здесь работали профессора Владимир Юльевич Визе, Николай Николаевич Зубов, Михаил Михайлович Сомов...

Молодого океанолога институт сразу же отправил его в Арктику, на Новосибирские острова.

Еще не ушла в прошлое та эпоха, когда сани, запряженные сибирскими лайками, были главным транспортом Севера. Трешников всегда говорил: «Я счастлив, что пришел в Арктику, когда путешествия на собачьих упряжках еще не стали далеким прошлым».

А еще Алексей Федорович часто повторял: «Я в полярных экспедициях собаку съел».

Его собеседники в ответ улыбались: понятно, что более опытного экспедиционника, чем Трешников, и представить трудно. Он прошел по земле столько верст, сколько мало кому удалось пройти. Причем чаще всего эта «земля» была либо готовым в любой момент расколоться льдом самого сурового в мире океана, либо бескрайней неведомой антарктической пустыней.

Все считали, что любимая трешниковская фраза - удачный, правда, изрядно заезженный образ. Многие в своем деле «собаку съели».

...В первую же свою экспедицию на собаках - этих преданных друзьях по риску - он прошел тысячи километров. Вместе с ними мерз, умирал от голода, проваливался под лед.

Однажды он возвращался с продовольственного склада, оставленного в заброшенном охотничьем зимовье. Уложил на сани муку, сахар, рыбные консервы, все плотно накрыл брезентом, углы его привязал к саням и двинулся в обратный путь. Собаки бежали хорошо, погода солнечная. Почти у берега упряжка вдруг рванула в сторону, понеслась туда, где лед совсем тонкий. Никакая сила не могла ее остановить. Собаки заметили птицу и помчались за

ней, забыв о поклаже, не слушаясь каюра. Словно ошалели. И вдруг Алексей почувствовал, что лед под санями проваливается. А через минуту нарты с упряжкой оказались в ледяной воде. Счастье, что глубина совсем небольшая - по пояс. Вожак каким-то чудом вырвался из постромков, понесся на берег, а остальные собаки беспомощно барахтались в воде среди льдин. Хорошо, что сани не ушли на дно, держались на плаву.

Минут тридцать добирался Трешников до берега. Впрягшись в упряжку, тащил за собой и сани, и собак. Выбрался. До лагеря километров тридцать. Собаки без вожака не идут. И вот эти тридцать километров Трешников бежал впереди упряжки, за вожака.

Вскоре полярники остались без запасов продовольствия. Лагерь - на острове Фаддеевского. База - на Малом Ляховском. Чтобы туда добраться, нужно десятки километров ехать по льду пролива Санникова. Это бы еще ничего. Измеряя глубины, он пересекал залив не раз даже в одиночку полярной зимой. Но сейчас лед в проливе покрыт водой - по нему не переберешься.

Километров за восемьдесят от их лагеря была охотничья избушка. Как самый молодой и здоровый, Трешников отправился туда в поисках хоть каких-то остатков еды. Ничего, кроме костей песцов, не нашел. Из этих костей сварили бульон себе и собакам. Товарищи по экспедиции - начальник и радист - были постарше и послабее. У них началась цинга. Трешников пристрелил одну из собак. На следующий день - другую. Так и выжили. Через неделю они уже могли не только стоять на ногах, но и двигаться.

Им удалось перебраться по льду на Землю Бунге. Там Трешников подстрелил нерпу. Силы к людям стали возвращаться. Когда вода сошла со льда, они двинулись по проливу Санникова.

Путь до базы длинный - километров шестьдесят. Последние тринадцать километров его спутники сами идти уже не могли: проваливались в ледяную кашу, покрывавшую лед. Алексей усадил их на сани, из палатки соорудил парус, поставил его на нарты, а сам двинулся вперед, помогая собакам тащить упряжку. Шел по колено в воде. Наконец, наткнулся на брошенное охотничье зимовье. Там нашли рыбу, муку, напекли лепешек. Потом добрались до базы, где была рация. Это было 28 июня 1941 года. Первое, что они там узнали: уже почти неделю шла война с фашистской Германией.

В годы войны Трешников плавал в ледовом патруле в Баренцевом и Карском морях, работал на Диксоне, ходил на гидрографическом судне «Мурманец» на спасение полярников со станций, обстреливаемых фашистскими подводными лодками. «Мурманец» помогал караванам пройти по Северному морскому пути, где тогда орудовали не только вражеские подводные лодки и самолеты, но и такие военные корабли, как «Адмирал Шеер», потопивший «Сибирякова» и обрушивший свой огонь на Диксон.

...Да, за плечами Алексея Федоровича был огромный опыт. Но Трешников всегда считал, что во главе полярной экспедиции должен стоять не только крупный ученый, человек с авторитетом, но и человек физически сильный, чрезвычайно выносливый.

О его работоспособности и выносливости ходили легенды. Если бы не эта самая выносливость, 2-я Советская антарктическая экспедиция наверняка могла бы остаться без начальника.

Однажды, осматривая заснеженный барьер в Мирном, Трешников почувствовал, что снег под ногами рушится. Падая в трещину, он попытался зацепиться за край, раскинул руки. Левая рука не выдержала, он почувствовал резкую боль в плече и полетел вниз. И все же через несколько метров каким-то чудом сумел собраться, уперся ногами в один край трещины, а головой - в другой и повис. Так он висел над пропастью. «Стоит пошевелиться - и конец», - подумал он. А боль в плече ужасная - наверняка вывих. Сколько же удастся вытерпеть?

- Я продержусь! - крикнул он своему спутнику. - Бегите за досками и веревками.

«Вскоре я услышал голоса и шаги над головой, - вспоминал Алексей Федорович тот случай. - Через трещину перебросили несколько толстых досок. А затем мне спустили веревку с петлей на конце. Преодолевав боль, я накинул петлю на ступню правой ноги и, уцепившись правой рукой за веревку, сказал, чтобы меня тянули вверх. Благополучно вытянули».

Попытайтесь, читая это более чем сдержанное описание представить, как все было на самом деле и что значит это самое «вскоре», когда человек с вывихом руки висит над пропастью. До Мирного несколько сот метров. Чтобы по рыхлому снегу сбегать туда за людьми, притащить доски, нужно время. Сколько же он так провисел в трещине? Трешников этого не помнит. Помнит только, что от страха и боли ему стало жарко.

«...Поблагодарив товарищей, я быстро побежал в поликлинику, но поскользнулся, как-то нечаянно взмахнул больной рукой, в плече у меня хрустнуло, и я почувствовал, что рука опять встала на место».

Везучий! Но это только в поговорке «дуракам везет». Чаще везет смелым и отчаянным.

Трешников всегда был очень большой, крупный. Кулаки - с футбольный мячик. Я однажды написал, что это ученый с руками молотобойца. Боялся, что он обидится. А он только посмеялся.

В Антарктиде он вступил в клуб «Кому за 100». Вступить в него могли лишь те, кто весил не меньше 100 килограммов. И голос у него был командирский, шалопинский.

Своим друзьям, своим ученикам, своей семье Трешников был предан до безумия. Но больше всего дорожил мнением Татьяны Николаевны. Считал, что его жена всегда права.

Даже когда уже на старости лет Трешников почему-то вдруг решил отрастить усы, вовсе его не украшавшие, и кто-нибудь из нас время от времени предлагал ему эти злосчастные усы сбрить, Алексей Федорович сердился:

- Не говорите ерунду. Татьяна Николаевна считает, что они мне идут.

Так что когда я задумал отвезти в 1986 году семидесятидвухлетнего Трешникова на Северный полюс и там снять несколько эпизодов для моего полнометражного документального фильма, посвященного хозяину двух

полюсов, то первым делом мне, конечно, надо было договориться с Татьяной Николаевной. Хотя Трешников - а он тогда уже не был директором ААНИИ, а возглавлял академический Институт озераведения - сразу сказал:

- Я бы с удовольствием снова слетал.

Честно говоря, эту мысль Алексей Федорович сам мне подкинул - еще зимой, когда мы сидели у костра у него на даче. Трешников всегда любил смотреть на огонь, всегда сам с удовольствием затапливал печь на даче.

Алексей Федорович смотрел, как потрескивают на снегу полешки.

- Сидеть у костра в Комарове, конечно, тоже хорошо, - вздохнул он. - Но все-таки хочется поехать куда-нибудь, где настоящий снег, настоящий лед. А сейчас я только провожаю полярные экспедиции. У меня на этих проводах жутко сосет под ложечкой. Завидую.

Вот я и решил что-нибудь придумать, чтобы у Трешникова «сосать под ложечкой» перестало. А к фильму даже название придумал: «Возвращение к полюсу».

...Самый подходящий момент для уговоров представился 14 апреля, когда на дне рождения Трешникова в доме, окнами выходящем на Петропавловку, был полный сбор.

Я заранее постарался заручиться поддержкой всегда доброжелательного ко мне Николая Александровича Корнилова - тогда он был заместителем директора ААНИИ по экспедициям и флоту, ну а иметь такого сторонника и согласие самого академика - это уже почти победа. Но без согласия Татьяны Николаевны победа вовсе не окончательная.

И когда гости уже подняли энное количество тостов, мы с Корниловым «в четыре руки» приступили к атаке. К тому же Борис Андреевич Крутских, сменивший Трешникова в директорском кресле ААНИИ, сразу сказал, что даст нам самолет и проследит, чтобы за пару дней наш вояж завершился. Татьяна Николаевна укоризненно глядела то на Корнилова, то на меня, то на своего мужа, а потом потребовала от Корнилова личных гарантий:

- Только чтобы вы, Николай Александрович, от Трешникова не отходили ни на шаг. И, пожалуйста, уж последите, чтобы Стругацкий не втравил его там в какую-нибудь авантюру.

Корнилов тут же выдал все гарантии - и в конце апреля мы полетели на дрейфующие станции «СП-27» и «СП-28».

Без всяких приключений «через всю географию» мы добрались до устья Колымы, до Черского (это о нем благодаря Яну Френкелю, однажды принявшему в местном ресторане «Огни Колымы» солидную дозу, полярники до сих пор поют «Приютился поселочек у реки Колымы, словно желтый подсолнушек в царстве вечной зимы»). Но попасть на «СП-28» можно было только через «подскок» - льдину с аэродромом, болтавшуюся где-то между островом Врангеля и Северным полюсом, - приблизительно в четырех десятках километров от станции. На нее-то мы и прилетели на «Ил-14», чтобы уже оттуда на «вертушке» добраться до только еще открывающейся станции.

До 28-й мы так и не долетели. В тот момент, когда, проведив свой самолет, мы мирно чаевничали, обсуждая свои планы, в громадной черной

палатке - единственном пристанище на льдине, - эта самая льдина вдруг совершенно не вовремя решила расколоться. Трещина прошла прямо посреди ВПП. Руководитель полетов - здоровяк и весельчак Паша Бирюков хоть и был рад появлению самого Трешникова, отозвал нас с Корниловым в сторону и сообщил:

- Сваливайте-ка вы отсюда подобру-поздорову. Начнет крошить - застрянете здесь черт знает на сколько. С меня потом голову снимут. Да и в таких условиях, где я вас поселю?.. По всем правилам положено аэродром срочно закрывать. Но я еще один борт приму - чтобы вас выпихнуть. Он из Черского уже вышел, через двадцать минут туточки будет.

Корнилов решил судьбу лучше лишний раз не искушать. Через тридцать минут мы уже забирались в «Ил-14», мастерски приледнившийся на осколок льдины и готовый нас доставить на Жохова - островок в Восточно-Сибирском море, в архипелаге Де-Лонга, где располагался еще один «трамплин» на СП.

Нам опять не повезло: через час после нашего взлета Жохов захлопнулся по погоде. Правда, командир нашего «Ила» сказал руководителю полетов, что на борту сам Трешников и если они хотят пожать руку академику и полярному герою, то пусть дают добро на посадку, несмотря на непролазный туман. Короче, Жохов открылся ровно на десять минут - на время нашей посадки. А вскоре туман и на самом деле рассеялся, и мы стартовали на «СП-27» - она тогда дрейфовала почти в тех же широтах, что и в свое время трешниковская «СП-3».

Не буду рассказывать, как полярники встречали Трешникова и Корнилова, как повар напек блинов и с каким вниманием слушали Алексея Федоровича в кают-компании, а потом устроили концерт и пели под гитару «Он бросил Комарово и к нам приехал снова...». Это все и так понятно.

Но есть на станции традиции и ритуалы, которые полярники нарушать не станут даже для Трешникова. После ужина будь добр в кают-компанию - на очередной киносеанс. И Трешников с Корниловым уселись вместе с полярниками смотреть какую-то замыленную советскую комедию.

А меня-то, как всегда, разбирал энтузиазм. Времени явно в обрез - завтра, может, уже улетим, а ничего еще толком не снято. К тому же нет панорамы станции. Ее, конечно, можно запечатлеть, пока все в кино сидят. Но будет голо и безлюдно.

У входа в кают-компанию я натываюсь на «Буран». Может, снять панораму с движения? А еще лучше - посадить Трешникова на снегоход и попросить объехать станцию. На «Буране» на Северном полюсе Алексей Федорович еще, кажется, не катался - в его времена такой техники на «СП» не было.

Осталось только уговорить Трешникова и как-то обезвредить Корнилова.

В темноте я втиснулся на свободное место между двумя Героями Социалистического Труда и начал нашептывать Трешникову, чтобы, пока идет фильм, он вышел из кают-компания: мы бы сняли возле крыльца коротенькое интервью. Алексей Федорович сразу же согласился, но тут встрял

Корнилов: «Ты чего там опять придумал?» Тихонько, чтоб не мешать зрителям, я сообщил, что собираюсь на несколько минут вытащить Трешникова на улицу и быстренько записать интервью. «Ну давай», - вздохнул Корнилов и снова уставился на экран.

Уже на крыльце, узнав про «Буран», Трешников рассмеялся:

- Покатаюсь с удовольствием.

Мы быстренько завели снегоход, усадили на него академика и прикинули наиболее эффектный для съемок маршрут.

- Вы разок отсюда до палатки гидрологов проедьте - и все, - попросил я.
- Только не слишком быстро.

«Буран» взревел. И вдруг Трешников стал закладывать такие круги по станции, такие пируэты выделять по сугробам, что снегоход взлетал над застругами и эффектно падал на снег...

- Во каскадер! - торжествовал кинооператор Саша Оркин. - Во дает!

По льдине возле Северного полюса Трешников катался на «Буране» с восторгом. Но наконец подъехал к кают-компани и вдруг сказал мне:

- Посмотри - у меня что-то с левым ботинком.

Я глянул вниз. Из прожженного насквозь кожаного ботинка торчали куски шерстяного носка, а из них голышом выглядывал на 25-градусный мороз большой палец президента Географического общества СССР, академика и Героя Социалистического Труда. К несчастью, Трешников сунул свободную от педали газа ногу под какую-то трубу и, увлекшись, даже не заметил, что ботинок загорелся. Да еще какой ботинок: меховой, дефицитный, чешский. Перед нашим полетом Татьяна Николаевна эту обновку специально, чтоб Алексей Федорович больные ноги не застудил, где-то по большому благу раздобыла. Жена снаряжала Трешникова минимум неделю: велела взять шерстяной свитер ручной вязки, ондатровую шапку, длиннющий теплый (тоже шерстяной) серый шарф, которым, кажется, можно было обмотать весь земной шар... И дала с собой даже черный шерстяной чепчик - на ночь, чтоб голова не замерзла.

...Трешников весело поглядывал на свой голый палец и раскатисто, заразительно смеялся:

- Подумаешь, ботинок угробили! Зато как покатался!

Он даже ничуть не сердился, что я втравил его в очередную авантюру. Но это Трешников. А что сделает со мной Корнилов, когда выйдет из кают-компани, даже представить страшно. В лучшем случае - утопит в гидрологической лунке. И, надо сказать, это будет справедливо, но здорово обидно - под нами глубина километра три и вода, самая холодная в мире. До дна океана далеко падать.

С другой стороны, удастся избежать высшей меры наказания - встречи с Татьяной Николаевной.

...Не хочу вспоминать всю тираду, обрушенную на меня заместителем директора ААНИИ, - цитировать эти выражения все равно нельзя.

Злой Корнилов приказал начальнику «СП-27» срочно раздобыть для Алексея Федоровича какую-нибудь обувь. А попробуй раздобудь ее на такую

ножищу! Такого размера на станции ни у кого нет. Сорок пятый минимум. Но какие-то громадные унты все-таки нашлись. Искореженные ботинки Корнилов бросил в пакет и вручил мне:

- Сам Татьяне Николаевне будешь отдавать.

...Самое обидное, что снятые ценой чешского ботинка и кучи обрушенных на меня матюгов кадры в фильм, не помню уж почему, не вошли. Впрочем, добытые с самой большой кровью кадры часто летят в корзину.

Уже на обратном пути с 27-й «СП», на острове Жохова, где мы жили в домике начальника базы и будущего руководителя высокоширотной экспедиции «Север» - крупнейшей в Арктике - Сергея Кесселя, история с погубленным ботинком была забыта.

Трешников был в прекрасном настроении, говорил, что давно себя так здорово не чувствовал, как в дни нашего путешествия.

Крепыш и штангист Кессель натопил баньку (Трешников париться обожал) и весь вечер рассказывал о находках ледяных островов - дрейфующих в океане столообразных айсбергах. Рассказывал так восторженно и интересно, что Алексей Федорович тут же уговорил молодого полярника взяться за ум и не по экспедициям беспрерывно мотаться, а сесть за кандидатскую, и даже согласился быть у Сереги научным руководителем. За это, конечно, мы выпили.

Корнилов тут же вспомнил, как «Шеф» в свое время и его посадил на прикол, не отпустил в очередной раз в Антарктиду и приказал начальнику отдела кадров: «Пока Корнилов не защитит кандидатскую, чтоб я его фамилии в списках участников экспедиции не видел».

- Для меня тогда это был удар, - смеялся Корнилов. - Я, конечно, шефа костерил. Не мог взять в толк, почему он меня застопорил. Ведь мы с ним знакомы еще с «СП-10» - он к нам на станцию прилетал весной 62-го. Мы вместе с ним летали в Антарктиду, ходили на «Оби». Я считал, что шеф ко мне хорошо относится... И вдруг он меня привязывает к стулу. Но только когда я защитил диссертацию о циркуляции вод Южного океана и стал уже замом Трешникова, я понял, как он был прав. Если бы не Алексей Федорович, я так бы остался экспедиционером.

Алексей Федорович Трешников был человеком отчаянно рискованным. И ужасно упрямым. «Уж если я чего решил...»

...6 мая 1948 года льдина, на которой уже три недели работали ученые возле Северного полюса, раскололась. Летчики потребовали срочно лагерь эвакуировать и лететь на Большую землю. В любой момент трещина могла прошить льдину прямо под лыжами самолетов.

И вдруг геофизик Константин Федченко заявляет:

- Я приборы не брошу.

Приборы для регистрации потока космических лучей он несколько дней назад опустил в лунку и не заметил, как тросики вмерзли в края льдины. Геофизик пытался вырубить их пешней - бесполезно.

Летчики в панике - трещина «дышит»: то сходится, то расходится. Они делегировали к начальнику временной базы Трешникову самого Михаила

Васильевича Водопьянова - участника высадки папанинцев, легендарного пилота.

- Надо по-быстрому уносить ноги, - взмолился Водопьянов. - Чувствует мое сердце.

Но сразу понял, что его уговоры особо не действуют, и разозлился:

- Да черт с ними, с этими приборами. Всем на борт самолета!

А Федченко чуть не плачет. Ну что делать? Конечно, надо срочно улетать.

...Трешников прямо возле лунки скинул куртку, свитер и нижнее белье и, не обращая внимания на крики Водопьянова: «Да ты в своем уме?», скомандовал:

- Держите меня за ремень.

С кусачками в руках он с головой нырнул в ледяную воду. Нижний цилиндр висел на метровой глубине. Но и его достал.

«Через несколько минут мы благополучно взлетели», - заканчивает Алексей Федорович свой рассказ.

...Многие думают, что звезду Героя Трешникову вручили за работу на дрейфующей станции «Северный полюс-3». На самом деле куда раньше - в 1949 году. Тогда тридцатипятилетнему полярнику было присвоено звание Героя Социалистического Труда «за исключительные заслуги в деле освоения Арктики и Северного морского пути, работу в высокоширотных экспедициях в 1948 - 1949 годах».

Это была первая такого масштаба «прыгающая» экспедиция: самолеты на несколько часов, а порой на дни и недели, садились в самые разные районы Ледовитого океана (в том числе впервые в истории точно на Северный полюс), и ученые разворачивали мини-СП, измеряя глубины океана и течения, доставая пробы воды, планктон, исследуя лед и магнитные аномалии, то есть добывая уникальный материал, без которого невозможно получить достоверные сведения о самом холодном на земле океане и невозможно организовать надежную работу Северного морского пути. А тогда, после войны, стало ясно, что именно благодаря Севморпути можно освоить громадные территории Сибири, Чукотки, Дальнего Востока.

О таких, как Трешников, тогда говорили: «Глыба».

А кроме упрямства и смелости он обладал еще и каким-то феерическим запасом энергии и здоровья.

Вспоминают полярники и такой эпизод.

В лагере «СП-3» стояла наблюдательная вышка - для дежурного. Но весной, когда льды таят, она оказалась в центре огромной лужи. Кроме как на лодке или в болотных сапогах к ней не подобрешься. И дежурные на вышку подниматься перестали. Трешников несколько раз говорил, что надо втроем-вчетвером собраться и вышку перенести. Но в хлопотах полярники об этом забывали, как всегда, откладывая «на завтра». Начальнику станции это надоело, и однажды рано утром, когда все еще спали, Трешников поднял вышку (а весила она явно за сотню кило) и перенес ее на сухое место. И никогда об этом никому не сказал ни слова. А известна эта история стала

благодаря стационарному метеорологу: он вышел в срок «брать погоду» и заметил, как Алексей Федорович в одиночку волочет тяжеленную деревянную вышку.

Спустя многие годы Алексей Федорович напишет в своих воспоминаниях: «...Работа в полярных экспедициях буднична и скучна, она требует терпения и умения владеть собой в дни ожиданий, умение найти дело, которое бы отвлекло от дум о доме, о близких, находящихся очень далеко. Чтобы преодолеть тоску и скуку, нужно не меньше силы воли и выдержки, чем при опасной и напряженной работе. Старые полярные «волки» всегда веселы, жизнерадостны... и способны смотреть одни и те же картины по десятку раз. ...И если человек умеет владеть собой и находит отвлекающие от скуки и тоски занятия, то он становится полярником».

Трешников всегда считал, что хорошее настроение и умение даже в самых патовых ситуациях улыбаться - необходимое качество полярника. Трешников всегда говорил, что начальник экспедиции не имеет права показывать, что его нервная система разгулялась.

Был даже один такой забавный эпизод.

Когда трешниковскую «СП-3» ломало, зимовавший на станции кинооператор успел этот момент заснять... А уже после зимовки, когда худсовет в Москве принимал фильм, все единогласно потребовали этот эпизод выкинуть:

- Ну что вы нам «липу» подсовываете! Если льдина колется, как может начальник станции в этот момент улыбаться? Это же полная чушь!

А еще Алексей Федорович всегда уважал тех, кто перед ним не пасует и за словом в карман не лезет.

Михаил Красноперов - в прошлом начальник экспедиции «Север», а нынче важный чиновник в Женеве, в секретариате Всемирной метеорологической организации, - вспоминал, как молодые полярники любили посидеть на солнышке в крохотном институтском садике на Фонтанке.

Особенно часто такая возможность «перекурить» на лавочке представлялась, когда перед экспедицией фототермографы, предназначенные для регистрации температуры воды, отдавали в институтские мастерские на тарировку. Ждать приходилось пару часов. Отличная возможность для перекура на лавочке.

Во время одного из таких «перекуров» перед молодыми сотрудниками института вдруг возник сам Трешников, с которым они до этого никогда не встречались, и заявил, что он уже два часа «любуется» из окон своего кабинета, как молодые люди «бьют баклуши».

- Кто вы? Кто ваши руководители? - грозно вопрошал директор института своим шаляпинским басом.

Красноперов робко попытался объяснить, что они ждут, пока механики отторируют приборы. Но один из Мишиных приятелей не растерялся и выпалил:

- А почему вы сами в течение стольких часов занимались только тем, что за нами наблюдали?

Бедный Красноперов думал, что Трешников начнет метать в молодых нахалов громы и молнии.

Но Алексей Федорович добродушно улыбнулся и громко рассмеялся:

- Ну тогда продолжайте.

И ушел.

...В апреле 1973 года у побережья Антарктиды сложилась небывало тяжелая обстановка - возле станции Ленинградская дизель-электроход «Обь» попал в ледовый плен. В Мирном, на Молодежной, застряли полярники, уже год отзимовавшие. 120 измотанных, усталых, ждущих встречи с домом людей. Вывести их никто не мог. В Антарктиде наступала зима. Зимой к берегам шестого континента суда не подходят - не пускают тяжелые льды. Из Ленинграда срочно вышло в Антарктику научно-исследовательское судно «Профессор Зубов». Спасательную экспедицию возглавил Трешников.

В четвертый раз он отправлялся в Антарктиду. Был начальником 2-й Советской антарктической экспедиции, в 1963 году руководил экспериментальным перелетом на шестой континент на самолете «Ил-18», в 13-ю экспедицию обошел на «Оби» вокруг Антарктиды. Но в этот раз, кажется, предстояла самая тяжелая экспедиция. Алексей Федорович возглавил уникальную по сложности операцию. Самолеты, вывозившие людей с побережья к судну, совершали посадки на айсберги, вертолеты ходили над безжизненным океаном на такие расстояния, на какие никогда не рисковали летать. Летчики ловили малейшее «окно» между циклонами, ураганами, а им зимой в этих краях числа нет.

От Молодежной подходящее место для выгрузки вертолета на айсберг нашли в 400 километрах.

Когда вертолет сел, полярники уже стояли на аэродроме с вещами - каждый хотел улететь первым. Каждый понимал: погода меняется так быстро, что следующего рейса может не быть. А вывезти надо пятьдесят человек!

Из вертолета вышел Трешников.

- Сейчас вертолет уйдет, - сказал он. - Я остаюсь на Молодежной до тех пор, пока не будет вывезен последний человек. Кто хочет лететь первым рейсом?

На первый рейс людей пришлось назначать. А Трешников улетел из Молодежной только через две недели в набитом до отказа вертолете с последней группой полярников.

4 августа 1973 года ледовая эпопея в Южном океане закончилась: полярники были вывезены, «Обь» из ледовых тисков вырвалась, «Профессор Зубов» встретился с «Наварином».

Трешников вышел из вертолета, и полярники тут же начали его качать. Алексей Федорович совершенно искренне удивлялся:

- Ну какая в этом моя заслуга? В этом заслуга летчиков и капитанов судов. Вот кого надо было качать...

Можно долго перечислять научные заслуги Трешникова, рассказывать о том, как им было сделано одно из крупнейших географических открытий XX века - обнаружены в Ледовитом океане подводные хребты, вспоминать его учеников, ставших уже докторами наук, крупными полярными исследователями...

Можно написать отдельный рассказ о том, как создавалась научная флотилия Арктического и Антарктического научно-исследовательского института, сколько нервов и сил пришлось потратить Трешникову, разубеждая тех, кто считал, что свой флот полярникам не нужен. Когда-то эту флотилию знали во всем мире. Корабли науки - «Профессор Визе», «Профессор Зубов», «Михаил Сомов», названные в честь тех, кто прославил свое имя в Арктике и Антарктике, с кем вместе Алексей Федорович работал, дружил, у кого многому научился, - участвовали в крупнейших международных программах, в изучении полярных океанов. Но сейчас флотилии уже нет - один старенький «Академик Федоров» держит на себе все антарктические морские перевозки: доставляет полярников и грузы. Так что воспоминания эти окажутся довольно грустными.

Я могу о Трешникове рассказывать часами. Много раз писал о нем в «Смене», в своих книжках, участвовал вместе с ним в полярных экспедициях.

Я могу долго перечислять научные труды академика А. Ф. Трешникова, его открытия и в Арктике, и в Антарктике. Можно, конечно, перечислять названия книг Трешникова и организованные им полярные экспедиции... Но лучше я расскажу, как к высадке в Ледовитый океан готовилась станция «Северный полюс-3».

Трешникова назначили ее начальником. Все полярники уже собрались в одном из поселков на Арктическом побережье. Со дня на день их должны были высадить в Ледовитый океан, а найти подходящей льдины так и не могли.

Каждый вечер начальник станции шел на радиоцентр - узнать новости. Однажды вернулся совсем удрученный - приказано высадку станции отложить на год.

Он зашел в дом, где жили его товарищи. После бани все решили подстричься наголо и выглядели страшновато.

- Теперь давай меня, - сказал Трешников, когда доброволец-парикмахер остриг под ноль последнего из зимовщиков.

Встал, стряхнул с себя остатки волос.

- Значит, так, братцы, ни на какую льдину мы с вами не летим. Завтра возвращаемся домой. Таков приказ. Следующий раз позимуем.